

Р.А. Амаев

Власть и крестьянство Северного Кавказа в 1920-е гг.: формирование новых социально-политических реалий

В истории отечественного, в том числе и северокавказского крестьянства, 1920-е гг. были временем глубоких перемен. Общей их тенденцией стал подъем сельскохозяйственного производства на основе нэпа. Вместе с тем перестройка аграрного сектора имела дискретный характер, отличалась непоследовательностью, волюнтаризмом, проводимые мероприятия давали непредсказуемые результаты [1–5]. Подобные «шатания» связаны с тем, что складывавшиеся не одно столетие принципы жизнедеятельности крестьянства, подкрепленные национальными традициями, предполагалось подчинить социалистическим законам одномоментно. А если этого сделать не удастся, то разрушить и строить на их развалинах другие общественные отношения. Большевики не поняли, что, несмотря на социальную неоднородность, общность интересов в целом оставалась связующим звеном, обеспечивающим сохранение крестьянства как целого.

На основе рассекреченных материалов из архива Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А) и архива УФСБ по Республике Северная Осетия – Алания (далее – А УФСБ РСО-А) рассмотрим некоторые аспекты взаимоотношения власти и крестьянства Северного Кавказа в 1920-е гг.

В это время в сельских районах региона можно проследить две социальные войны: первая – борьба партийно-государственной бюрократии против крестьянства и сопротивление последнего, вторая – борьба бедняцко-средняцкой части крестьянства против кулачества. Вторая война вызывалась не столько «политическими соображениями, сколько потребительскими, ибо конфискованное у кулаков имущество передавалось в неделимые колхозные фонды в качестве вступительных взносов бедняков и середняков» [6, с. 17]. Но все же главная линия противостояния проходила между основными крестьянскими массами и бюрократией.

Деревня должна была стать главным источником для развития страны. Следовательно, генеральной линией в аграрном секторе стало взвинчивание темпов и масштабов заготовок, получение максимального объема денежных ресурсов. С этой целью были предприняты шаги по реформированию налоговой политики. Одним из методов изъятия хлеба, причем гарантированным, была контрактация. Государство давало производителям семена, инвентарь, требуя взамен определенное количество хлеба хорошего

качества по твердым ценам. В 1928–1929 гг. на эти цели было отпущено 500 млн руб. [7, с. 143].

Из добровольного соглашения контрактация зачастую превращалась в повинность. Если население отказывалось, то потребительское общество лишали мануфактуры, керосина, соли и других необходимых для крестьян товаров. Пользуясь правом сильного, государство с помощью отрядов «летучей кавалерии» (комсомольцев и добровольцев, вооруженных и облаченных особыми полномочиями) выколачивало хлеб из деревни.

Вторым и, пожалуй, главным источником пополнения государственных закромов был сельхозналог. Так как он носил прогрессивный характер, то, естественно, падал на хозяйства крепкие, зажиточные. Само государство было заинтересовано в том, чтобы выявить как можно больше таких хозяев, и вот тут-то начинались неумышленные и намеренные ошибки в определении статуса крестьянского хозяйства, дабы выполнить план за счет кулацких и причисленных к ним хозяйств. Вводились также налоги по самообложению, на местные нужды и др.

Даже выполнив хлебозаготовки, крестьянин не был спокоен за оставшуюся часть зерна; так как у государства был целый арсенал налоговых рычагов. Нередко размеры налога произвольно увеличивались. Например, житель с. Зильги А. Урусов жаловался в налоговую комиссию на неправомерность действий местных органов: по окладному листу на 1929–1930 гг. он уплатил 12 руб. 10 коп., но уже в январе пришла разрядка, по которой его обязали уплатить 750 руб. Урусов оказался неплатежеспособным, его дом был продан, а он с семьей очутился на улице [8, л. 14].

Фискальная политика предусматривала меры выколачивания налога: «Если в установленный срок налог не уплачен, то на неуплаченную часть исчисляется пеня в размере 0,2 за день просрочки, и помимо того к неплательщикам применяются установленные меры принудительного взыскания» [8, л. 18]. К уклоняющимся от хлебозаготовок применялась ст. 107 УК РСФСР. Она предусматривала лишение свободы с конфискацией имущества лиц, виновных в умышленных действиях по сокрытию хлеба.

Местные партийцы усугубили своими непродуманными действиями и без того непростую ситуацию: в целях активизации хлебосдачи в села направлялись военные экспедиции, как, например, в Шатоевском

районе Чечни. В отчете Северо-Кавказского крайкома о политическом положении выказывалась озабоченность растущим недовольством населения: «На Северном Кавказе сложилась взрывоопасная обстановка. Ошибки местных партийцев, налоговое бремя вызывали необычайную энергию кулаков, да и в целом всех слоев крестьянства» [9, с. 456].

В качестве крайней меры разрешалось взятие заложников, допускались конфискация и распределение среди населения «бандитского» имущества. Эффективность этих мер дала ощутимые результаты в Осетии. Здесь уже в первой половине 1920-х гг. органы ВЧК при содействии комячеек и милиции выявили и ликвидировали пособников бандитов, а политическая работа среди крестьянства лишала бандитов поддержки населения.

Намного сложнее была ситуация в Чечне и Ингушетии, особенно в горной части. Получив от советской власти землю, население этих районов «закрылось» для дальнейшего социалистического строительства. Нередко формой борьбы был политический бандитизм. Коллективизация здесь не приняла такого размаха, как, например, в Осетии, но даже 3% коллективизированных хозяйств вызывали острое недовольство в различных слоях чеченского и ингушского общества. С разгромом движения Гоцинского-Узун-Хаджи (1925 г.) бандитизм не прекратился, скорее изменил окрас. К прежним националистическим лозунгам присоединилось недовольство местного крестьянства хлебозаготовками, сельхозналогом и коллективизацией. Выявлено, что только в Чечне действовало несколько отрядов; в одном насчитывалось 1200 штыков, 400 сабель, артиллерия, в другом – 600 штыков, 200 сабель [1, с. 52]. Эти отряды держали в страхе целые районы, не позволяли сдавать налоги, угрожали тем, кто хотя бы робко пытался выступить в защиту советской власти. По отрывочным сведениям можно заключить, что социальный состав повстанческих отрядов был крайне пестрым: наряду с фанатиками, остро ненавидевшими советскую власть и имеющими многолетний опыт борьбы, появлялись совершенно не искушенные в политических перипетиях крестьяне, которых обидели представители власти. Были и те, кто не принял и не понял «великого перелома» в деревне.

Несмотря на то, что специальные подразделения Красной армии совершали рейды, изымали оружие, сопротивление населения усиливалось. В некоторых районах оно принимало вооруженную форму. Так, только за неделю боев (май 1924 г.) чеченские повстанцы потеряли убитыми 35 человек. Потери же ЧОНа составили 54 человека [10, л. 9]. Местные власти в панике телеграфировали в Центр: «Военные действия продолжаются. Требуется организация ревкома. Повстанцы упорно сопротивляются. Санкционируйте создание трибунала или политической тройки» [1, с. 56].

Хлебозаготовительные кампании, давление на сельских производителей заложили «бомбу замедленного действия», которая детонировала уже в конце 1920-х гг. – перед и во время коллективизации. Новая власть пыталась противостоять частнособственническим наклонностям крестьянства путем кооперирования и создания колхозов [11, с. 17].

Объективный ход истории поставил большевиков перед необходимостью перестройки сельского хозяйства, низкий уровень которого сдерживал поступательные процессы в промышленности. «Сумму сельхозналога проектируется несколько повысить, – отмечалось в сводках финорганов, – причем это повышение пойдет исключительно по линии обложения зажиточных слоев деревни» [12, л. 217]. Поспешный вывод о том, что «наблюдающееся за последние годы повышение товарности крестьянских хозяйств оправдывает повышение сельхозналога» привел к социальному взрыву.

В апреле 1928 г. произошли так называемые баксанские события (Кабардино-Балкарская АО). Даже подцензурные советские историки не смогли обойти этот факт молчанием, давая ему крайне отрицательную оценку: «Это было открытое антисоветское выступление, организованное и спровоцированное кулаками» [13, с. 160]. Сводки по хлебозаготовкам за 1928 г. свидетельствуют об активности сельского населения этого района; «красные обозы» – дополнительный сбор зерна и самообложение – были обычным и, казалось, неизбежным явлением. Обвинить крестьян в саботаже было невозможно. Но добровольные взносы для партийной бюрократии показались недостаточными, и население оказалось обложено еще большим налогом. Это вылилось в социальный протест, поддержанный всеми слоями местного крестьянства. К сожалению, нам не известно, какие конкретно лозунги выдвигали восставшие, но ясно одно – сельское население было крайне недовольно политикой советской власти.

Следующим крупным событием были аресты, прокатившиеся по осетинским селам Заманкул, Дарг-Кох, Хумалаг, Зильги. Было арестовано 60 человек, в том числе 23 осетина, 3 кабардинца, 17 ингушей, русские, дагестанцы [14, л. 1]. Арестованные принадлежали к разным социальным слоям, но доминировали крестьяне – 48 человек. Всем им было предъявлено стандартное обвинение по статье 58, п. 2 УК, т.е. «контрреволюционная деятельность» на территории Осетии. Руководителем антиправительственной организации был признан бывший военный – генерал-лейтенант царской армии Афако Пачиевич Фидаров [14, л. 65].

По сведениям ОГПУ, организация имела в Осетии разветвленную сеть ячеек. Следствие установило, что еще в 1926 г. Фидаров поручил помощникам собрать сведения о настроениях населения. По селам разосла-

ли эмиссаров, которые готовили почву для восстания. Отличаясь незаурядным умом, Фидаров смог уловить, какой перелом наступил в сознании крестьянства к 1929 г. Он утверждал, что «эти настроения менялись не в пользу большевиков», и так обосновывал свои выводы: «1. Духовенство к советской власти и мероприятиям, проводимым ею на местах, относится враждебно, отрицательно. Объясняется это тем, что советская власть не признает богатство и собственность, т.к. по шариату – обратное. 2. Интеллигенция (бывшие офицеры, чиновники) также относятся к советской власти отрицательно: именно эти слои лишены избирательных прав, им был закрыт путь на советскую службу. 3. Имуший класс относился к советской власти враждебно главным образом по экономическим причинам (кулаки потеряли значительные земельные массивы, были обложены непомерными налогами). 4. Середняки и бедняки – незначительная часть с контрреволюционным прошлым – на почве новых мероприятий советской власти на селе (хлебозаготовки, создание колхозов, артелей), также относились к советской власти отрицательно» [14, л. 27]. Такой тщательный анализ антисоветских настроений среди различных социальных групп послужил отправным пунктом при проведении работы среди крестьян и других слоев населения.

По плану организации на случай восстания села Эльхотово, Дарг-Кох, Карджин, Заманкул должны были выставить по конному дивизиону, Хумалаг – 100 человек, с. Ольгинское – 150 человек [15, л. 13]. Здесь организаторы учитывали антисоветские силы, которые можно было задействовать в восстании.

В начале июня 1929 г. лидеры осетинской группы встретились с главой кабардинской организации Э. Генардуковым. Последний заверил, что в Малой Кабарде можно также рассчитывать на помощь. Было решено распространить влияние организации и на Большую Кабарду.

Вскоре от тайных совещаний перешли к открытым выступлениям. Восстание произошло в кабардинском селе Верхний Курп. Его руководитель Кази Казов обратился в штаб организации за помощью, но ее лидеры были уже арестованы. После недолгого дознания был вынесен приговор и Фидарову: «Заседание краевой тройки при ОГПУ СКК утвердило решение от 15 января 1930 г. А. Фидарова расстрелять в числе других» [16, л. 1].

Не успели осудить группу Фидарова, как уже возникло новое дело. В декабре 1929 г. 11 человек из с. Христиновское (Северная Осетия) были арестованы по обвинению в организации антисоветской работы, сеянии «различных провокационных слухов с целью вызова недовольства масс советской властью». Среди них Г. Туккаев, Д. Такоев, М. Абаев, Н. Кибизов, А. Медоев. Последним припомнили их старые грехи перед советской властью: еще в 1922 г. Медоев

привлекался к ответственности за неуплату налога скотом, а Такоев – «за агитацию против выполнения сельхозналога». Из сведений сельсовета явствует, что «большинство из них – представители кулачества». По данным ОГПУ, на «платформе непримиримо-враждебного отношения к существующему строю, за последние месяцы (1929 г. – *Р.А.*) в с. Христиновское Дигорского округа СО АО, реакционно-настроенные элементы кулачества, бывших белогвардейцев и карателей самоорганизовываясь, начали складывать контрреволюционную организацию» [15, л. 12].

Основная задача организации – через восстание добиться свержения существующего строя. Путем усиленного муссирования слухов о падении советской власти, начавшемся в казачьих районах повстанческом движении они привлекали на свою сторону сподвижников. На своем нелегальном собрании 12 декабря 1929 г. члены группировки поставили вопрос об использовании событий в Чечне с целью подъема масс к вооруженному выступлению.

Один из участников заявил: «Все национальные области представляют из себя бочку пороха, которая в ближайшее время взорвется. В Осетии уже сложилась достаточно благоприятная обстановка для вооруженного восстания. Осетия должна решить судьбу советской власти на Северном Кавказе, а мы должны, помня это, не бояться принести себя в жертву» [17, л. 2]. Агитация была поставлена хорошо, к членам организации охотно прислушивались, их слова падали в благодатную почву. Не забыли они героических красных дигорских партизан: «Неужели вы, красные партизаны, которые проливали кровь за народ, не можете остановить эти действия (большевиков. – *Р.А.*), которые ведут нас к гибели?» [17, л. 10].

Повстанческое движение перекинулось в горные районы Осетии. С начала февраля в Куртатинском и Алагирском ущельях начали группироваться недовольные советской властью. Был образован штаб под руководством Т. Урумова, которому поручено создать полнокровную организацию по всей Северной Осетии. Эта организация получила громкое название «Народная партия».

К сожалению, в архивах отложилось мало материала по деятельности этой организации. Однако известно, что штаб стал усиленно формировать сельские ячейки и вербовать новых членов, для чего были разсланы представители в Мамисонское, Нарское, Закинское ущелья, в Кабарду, предположительно ячейки возникли в 21 селении Северной Осетии. Анализ материалов позволяет определить точную дату предполагаемого восстания – 15 июня 1930 г. Дата выбрана неслучайно – она приурочена к открытию XVI съезда партии большевиков. Восстание должно было начаться с «захвата власти в селах и захвата Гизельдонстроа, Садонских рудников и Мизурской

фабрики». Крестьяне возлагали на XVI съезд больше надежды и ожидали отмены коллективизации, хлебозаготовок.

В целях расширения и упрочения своей социальной базы штаб «Народной партии» принял меры по установлению связей с аналогичными организациями в других национальных республиках. Из Грузии прибыл П. Макаев, из Карачая – С. Бидеев.

«Народная партия» вербовала в свои ряды в первую очередь «обиженных», т.е. раскулаченных. Как правило, каждый член организации должен был сам добыть оружие, а также вести среди односельчан агитацию против власти большевиков. Распространялись листовки с призывами к населению: «Да здравствует неприкосновенность личности!», «Да здравствует свобода торговли!», «Долой налоги и подати!», «Долой коллективизацию и налоги!».

Отмечались попытки открытого сопротивления властям. В начале лета 1930 г. группа членов «Народной партии» совершила нападение на административный отдел Алагирского окружкома с целью освободить арестованных товарищей, но задача не была выполнена, имелись жертвы.

В ночь с 10 на 11 июня 1930 г. органами ОГПУ СКК организация была ликвидирована по всей Осетии, арестовано 259 человек, следствие велось с процессуальными нарушениями.

Разрозненные выступления и вооруженные антисоветские волнения на Северном Кавказе продолжались до лета 1930 г. Их организаторы и руководители делали ставку на то, что вслед за Северным Кавказом восстанут против большевиков Азербайджан, Грузия, казачьи области, придет помощь из-за границы,

Северный Кавказ обретет свободу. Идея независимого Северного Кавказа не покидала руководителей и активистов антисоветских выступлений и в последующие годы.

Процесс раскрестьянивания, приобретающий все больший размах в конце 1920-х гг., наносил сокрушительный удар по семейно-трудовому крестьянскому хозяйству, по его системе производства. Крестьянство, вовлекаемое в колхозы, отчуждалось от принадлежавших ему средств производства, лишалось самостоятельности в их использовании и в распоряжении результатами труда. Коллективизация стала если не завершающим, то решающим этапом раскрестьянивания [18, с. 34]. Сельское население подсознательно понимало угрозу своему существованию и сопротивлялось всеми доступными средствами.

Таким образом, антибольшевистские движения 20-х гг. были вызваны ошибками в ходе проведения аграрной политики, нарушением законности. В исторической литературе они объединены под общим термином «политический бандитизм». Социальная база этих движений была пестрой: кулаки, офицерство, часть бедняцко-средняцкого населения. Перегибы в колхозном движении вызывали острое недовольство и этой прослойки.

Несмотря на определенный размах, повстанческое движение 1920-х гг. было обречено на поражение. Попытки части крестьянства противостоять административному и экономическому давлению, подрывавшему экономику сельского хозяйства, были сломлены мерами насилия. Клин, вбитый между крестьянскими группами коллективизацией, раскулачиванием, мешал их объединению.

Библиографический список

1. Ивницкий, Н.А. Коллективизация и раскулачивание / Н.А. Ивницкий. – М., 1994.
2. Павлова, И.В. Сталинизм: становление механизма власти / И.В. Павлова. – Новосибирск, 1994.
3. Русское крестьянство. Этапы духовного возрождения. – М., 1989.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание / под ред. В. Данилова. – М., 2000. – Т. 2.
5. Хубулова, С.А. «Неудобный класс»: некоторые проблемы социально-экономического и этнографического развития доколхозного северокавказского крестьянства / С.А. Хубулова. – Владикавказ, 2003.
6. Власть и крестьянство: северокавказская деревня в 1917–1929 гг. : сб. документов и материалов. – Владикавказ, 2005.
7. Чернопицкий, П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. / П.Г. Чернопицкий. – Ростов-на/Д., 1988.
8. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). – ФР. 53. – Оп. 1. – Д. 88.
9. Хубулова, С.А. Социальная напряженность в Терской области в первые годы советской власти / С.А. Хубулова // Северный Кавказ в условиях глобализации : Всерос. науч.-практ. конф. – Майкоп, 2001.
10. ЦГА РСО-А. – ФР. 41. – Оп. 1. – Д. 62.
11. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе : сб. документов и материалов. – М., 1978.
12. ЦГА РСО-А. – ФР. 160. – Оп. 1. – Д. 31.
13. История Кабардино-Балкарской АССР. – М., 1967. – Т. 2.
14. Архив Управления ФСБ по РСО-А (А УФСБ РСО-А). – Д. 5787. – Т. 1.
15. А УФСБ РСО-А. – Д. 5698.
16. ЦГА РСО-А. – ФР. 160. – Оп. 1. – Д. 4.
17. А УФСБ РСО-А. – Д. 7144.
18. Осколков, Е.Н. Актуальные проблемы методологии истории крестьянства в России / Е.Н. Осколков // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1996. – №3.